

Григорий Стариковский строит свои стихи с внешне сдержанной интонацией, но вдруг она взрывается напором налезających друг на друга образов и метафор. Его стихи – это картинки, сюжеты, истории приключений, которые переживает душа поэта. Складываясь вместе, они создают глубоко прочувствованное полотно жизни, свой неповторимый поэтический взгляд на окружающий мир.

Д. Ч.

СТИХИ

* * *

вечером подстригают щетину
газонов, сосед в рубашке навывпуск
мычит бенсонхерстский блюз.
кто тебя выдумал, рваный брезент
мостовых, переспелый бруклин?

вчерашняя почта, снимок с видом
на залив с островами, спиннинги
посвистывают, – ловись, большая
и маленькая, твои дочери, бруклин,
юные, стоят в обнимку на берегу.

след на ладони от чужой руки,
вытереть бы его насовсем, чтобы
не знать, откуда он и куда ведёт,
в нутро мастерских или в подвздошное,
повисшее в сереньком небе метро.

* * *

на развилке возня муравьиная,
зализы, приливы точечной жизни,

комар подпеваёт, трудится, тянет
кровь, насыщается мной.

высокое дерево с гладким
стволом, кроме гарри-и-мэри,
ножичком вырезал гарри,
он любит мэри, теперь

каждый скользящий по склону
знает, что гарри-и-мэри
пишутся слитно, они вживлены
в горькое мясо ствола.

спой мне, куколка-мэри,
о чём-нибудь прочном,
светящемся тканью древесной, —
под комариную жажду,
сквозь картавое имя своё.

* * *

низкая видимость, дождь
на улице, сухое пятно под клёном,
мы, без плащей и зонтов, стоим внутри,
тёмная сочность листьев над нами.

гнётся подкова дождя, видение птицы,
залоснилась чёрными крыльями, исчезая
в рукаве неба, осмотримся и устроим
раскопки ветра, поднимем фрагменты

ветки, бейсбольный подгнивший мяч,
соседский мусорный бак
катится под ноги, громыхает,
оцинкованный, по асфальту.

цветёт сирень, но размыта серым,
слабо верится, что просветлеет,
что задымится холодное утро
сигаретою на губе субботы.

ФЛОРИДА

они полулежат на длинных стульях,
бутылка стынет в кулере со льдом,
он говорит: плеснуть ещё немного?
она в ответ: ну, разве что немного.
они сниженье солнца караулят,
как все другие, ждущие кругом.

слезятся вещи, вечереют вещи,
сближаются и тлеют голоса,
он говорит: оно зайдёт живее,
чем кажется, оно уже ржавеет.
углятся на заливе паруса,
тень от гостиниц набегает резче.

оно проходит масляно, тепло,
сквозь дымное ушко оцепененья,
и море как бы слизывает взмах
последний света, раздаётся вздох
смотрящих: каждый видит отраженье
своё вдали, где больше нет тепла,

а губы видят облако и ночь,
и птица изнывает на болоте.
он говорит: пора, пойдём домой,
она молчит, они идут домой.
автомобили тихие напротив
обрызгивают жёлтою слюной.

* * *

М.

хлебная мякоть снегов на склоне,
проталины – листья несут в ладонях
новорожденную воду, она срастается
с коричневой, проседающей почвой,

пористый снег как бы дышит вниз,
к осьминожьему влажному телу земли,
ещё бесформенной, никому не нужной,
змейки ручьёв поблёскивают как проволока,

тропа не вытоптана, мы вязнем по голень,
набираем полные ботинки тёпленькой,
говоришь ты, воды, пьем чай из термоса,
спускаемся в плюсовые температуры.

* * *

солнце выгорит дочиста,
но припомнится запах,
тонкий воздух пунктирный,
простреленный птицей случайной.

доски снегом облеплены, но
нарушилось важное что-то;
бриз, его толстогубый порыв
отдаёт хрусталём или хрустом.

замечательно всё, что не мы,
а другое, делимое взглядом
на белёсую пеночку льда
и скупое свеченье проталин.

* * *

так голоса плывут,
как тишина в ведре,
и серый день скользит
по ободу его.

по образу его
над бельевой доской,
здесь тоже всюду жизнь,
и рукава чадят.

здесь тоже мятый воск
пустых воротников,
а пена – это песнь,
и баратынский – бог,

и нет других богов,
которые себя

вместили бы в себе
и выстояли над

зрачком слепой воды,
как этот талый снег,
выслаиваясь вслух
и вечера в даль.

* * *

фигурные арочки стульев,
ореховый стол и буфет,
и полупрозрачные ульи
фужеров, и хлебницы sklep.

все эти подставочки, плоски,
и чайник с охрипшим свистком,
на свадьбу немецкие чашки
с развинченным пастушком,

и скатерть, расшитая пенной
сиреневой веткой куста,
куда это всё исчезает,
в какие уходит места?

* * *

скажут здрасьте и сделают больно,
повернись спиной, посмотри в другую
сторону, в прожелть вялого времени,
угасанье домов; грубовато, неправильно
ложатся игральные кости жалости.

смотри в другую природу, её помарки,
мыльная пена автобусных расписаний,
молчи и сливайся с дождём, не надо слов
пустующих; шёлковым шорохом трётся
бурая в выдохе осени проезжая часть.

* * *

твой голос, как надтреснутый кувшин,
набрать воды, но всё как будто мимо,
пчелиное гудение машин,
колышется темно, непоправимо.

продрогший восковеет пешеход,
выныривая из тумана, чтобы
исчезнуть в нём, всё утро наизлёт
берёшь на пробу дождевое слово.

в гортани водостока твой разбег,
ты – краткая история усердия
сизифого, усталый человек,
читающий всё это на рассвете.